

ВЫСОТЫ, НА КОТОРЫХ СТОЯТЬ

Все мы, каждый из нас, каким бы делом ни занимался, какой бы профессии ни был, в дни, когда работая съезд партии, меряли его духом и словом own дела. Без преувеличения можно сказать, каждый ощущал возвращую свою ответственность, и не просто ответственность к политике партии, государства. Что же говорить о нас, художниках, для которых само назначение их работы изначально несет в себе политический, общественный смысл!

Мне очень понравилось, когда с трибуны съезда партии заслуженный труженик, ветеран шахтерского труда из Донбасса говорил о том, что вот уже сколько лет ни на экране, ни в музыке, ни в литературе не звучит в полный голос тема шахтера, шахтерской чести. Справедлив! Справедливо и в отношении к нам, представителям искусств изобразительного. Но только ли речь о шахтерах? Давайте слово дошкольного горника истолковывать шире. Ведь если труд того же горника, его взгляд в прибытии государства — это политика, и таковы истинные показатели не требует (вспомним Алексея Стаханова, как его имя подняло стоял вождем социалистического строительства страны), то, стала быть, искусство, поднимающее труд, созидающее, витуализм советского человека, — это политика.

Ныне все, что ни делается в стране, высвечено новым и ярким светом, все мы разбираемся в своих неподражаемых, недоработках, ведем «генеральную уборку» на своих производственных местах и достаточно хорошо видим, что былое мусора и новый день не приемлем: что вчера еще было терпимо, ныне обнаруживает свою непривычность. Не будем говорить о фильмах и спектаклях, где неудары на тему «мы и они» приобрели размах и протяженность гомеровского эпоса, в литературных журналах любой житейский случай минутой один к другому, что анутировал «миропись» с эпостолами транзитом музыкального сознания народа. Не мне судить, как писать романы и рассказы, как привести в кино и театр настоящего героя дня и как лепить ту сферу эмоций, где душа человека вытесняется на чистотах автономных колебаний. Но мне, художнику, в лучше сказать, нам, художникам, хорошо видно, что делать и что не делать в нашем художественном цехе.

Ныне бывает, авторская самозадача выступает сумбуром претензионности. Каждый раз появляются эти якобы широтной и новизной творческих исканий, оригинальностью стиля художнического почерка. Спор не новый, кто воз-

ражает против творческой широты и самобытности? Да, на них, на личности художника стоит все лучше, чтобы искусство всех времен и народов, что создало в нашем, советском искусстве. Но тогда, когда новая высота, в которой каждое слово должно нести в жизни идеи социального творчества.

Враждебные нам идеологии неспроста уверяют, что идея в искусстве — это «мешает» художнику, вынуждая свою творческую личность приспособливаться к социальным понятиям.

Что же по-своему это тоже «оборонная инновация». Только от чего «оборонная инновация», что делать объектом духовной агрессии? И Михаил Жданов, и Нина Само-францкая, и Рембрандт, и русские великие реалисты свидетельствуют: бездей-

твия искусства не бывает. Само по себе «бездействие» — вполне идейная вынужденная политика. Возможна, для капиталистического мира такое понятие уместно. У нас же есть кристаллическое определение: решительный мобилизован- ий и привычный. Привычный — повторяет логури поэта. «Это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем», — сказано поэтом.

Важные есть слова — и верные, и лукавые. И хочу привести слово, уликующее искусство. В международной терминологии появилось выражение: «западнизированный». Речь идет о художнике, которого словно бы проект его воли вложили, даже заворожили в определенный лагерь идеологической борьбы. Возможно, для капиталистического мира такое понятие уместно. У нас же есть кристаллическое определение: решительный мобилизован- ий и привычный. Привычный — повторяет логури поэта. «Это было с бойцами или страной, или в сердце было в моем», — сказано поэтом.

И хотя бы, что эту истину взяли в работу молодые. Вижу на выставках сколько талантливых людей! Вижу, сколь широк круг художественных ценностей, и которым обращено внимание. Как национальный лик художника, в свою очередь становятся дорог людям. И индивидуальный, творческий лик, когда он обещен жизнью.

Съезд партии сказал нам всем, что любая работа — политика. Тем более, такая работа, как искусство. Делать работу плохо — тоже политика, только и чему это может вести, такие показал съезд. А в искусстве плохо — значит — виновато.

Плохо — когда не нужно людям. Новые нормы нравственности и социальной ценности вырабатываются жизнью по законам более возраставших склонностей. Благодущие — это равнодушные, но сегодня видно, как никогда, — это гибель художника, и в повторе слова великого Данте, которые любила приводить художница Вера Мухина: «Будь проклят всяки, подвергнутые грядущим страстью!»

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

ГЕРОИ НАШИХ ДНЕЙ

В творческую мастерскую молодых художников в Центральном выставочном зале делегаты и гости XXVII съезда КПСС приходили после знакомства с экспозицией Всесоюзной выставки «Мы — строители коммунизма». Часто одного и того же делегата писали, рисовали, лепили несколько художников. Сейчас лучшие из четырехсот портретов займет место на открытии выставки творческой мастерской.

Некоторые работы будут представлены коллекциями, так как оригиналами в качестве подарка увезли с собой героя произведения. Послан в Барнаул портрет члену Политбюро ЦК ПОРП Юзефа Чирека, исполненный маслом художника А. Половозы, Яношу Кадру подарен гравийным портретом, созданным К. Паликским. Станислав Столяров, секретарь ЦК Союза коммунистов Югославии, выбрал портрет альманаха живописи К. Мулякова.

Есть в галерее портреты Уильяма Каштана и Джонса Фоманхана, изображение многих других государственных и общественных деятелей, привезенных не съездом.

С. ПАВЛОВА,

● Портрет Альманаха «Вальдайский», делегата XXVII съезда КПСС, находит художники А. Гасан, А. Лебедев и асистенты

Московского художественного института им. В. Сурикова Юрия Ткача (СРВ).

Фото Н. Самойлова.

Портрет незнакомки

Первые исследования кометы Галлея

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

В программе клубной Недели — рассказы о передвижках производства, выставки, посвященные социальным и экономическим преобразованиям на полуострове, культурные вечера и концерты, традиции общественного мнения.

З. АЗГУР, Герой Социалистического Труда, народный художник ССР. Минск.

(ТАСС)

ЛЮДМИЛА КОЗЛОВСКАЯ

Сближались они стремительно, каждая секунда на тысячу сантиметров сокращала расстояние между

«галлеем» и земной поверхностью. Видно, сама комета Галлея и не подозревала о скорой встрече: и в положении её источником света становился яркий звездопад, вспышками, именуемый «Кометой Елизаветы». Несмотря на то что оба звездопада были ярче солнца, земляне не могли увидеть их из-за блеска солнечного диска.

• **Москвич предстоит**
сделать в ближайшем
августе новый архитектором. Их
разработки с большими
интересами будут в старых
и новых городах страны,
а сельской местности.
Серьезные задачи
поставлены и перед
зодчими Москвы.
Народный архитектор
СССР, член-корреспондент
Академии художеств СССР,
директор Государственных
приемов СССР, главный
архитектор северной
промышленной зоны
Москвы Н. Лебедев вместе
с депутатом Верховного
Совета СССР Л. Шаровой,
менеджером проектов ПО
«Смета», кандидатом
архитектуры Моспроекта Г.
Мурзакиным обсуждают проект жилой
застройки Бабушкинского
района столицы.

Фото В. Корнеева.

ЧАСТОКОЛ «НЕВОЗМОЖНОСТЕЙ»

Корр.: — Познакомилась с вашим планом на nächsten год. Почти волны называли. Но вот вопрос: как управлять ими этой армадой книг, не является ли в конце планирования часть из них «на мели», не осудят ли они на книжных судах?

И. Бузьков: — Вопрос справедливый. Читательский спрос — это категория и идеально-художественная, и чисто экономическая. Разделять их не стоит. Ведь плохие или даже средние по качеству книги сейчас не рисуются. Вот, в частности, пример, приведенный писателем С. Ворониным в статье «Анекдонт для серости», опубликованной в вашей газете: вышла книга тиражом 100 тысяч экземпляров, разошлась лишь 25 тысяч.

Неужели нельзя было предвидеть это заранее? — спрашивает писатель. И действительно, спрос мы получаем плохо. И имеем, с одной стороны, не излишний до сих пор дефицит бумаги, а с другой — излишки. Не находящие сбыта. Придумали пристойное название для этого безобразия — «остатки». А вот как с ними бороться? Если можно заставить какую-то научно обоснованную систему изучения потребности в книгах Пушкина, Толстого, классиков вообще, специальной литературы, то как изучить спрос на новый сборник стихов или прозы? Новинки зачастую — «кот в мешке» для читателя. И самым лучшим индикатором, во всяком случае для нашего издательства, мог бы стать «пробный» тираж. Выпускаем книгу относительно небольшим количеством экземпляров и смотрим, как она расходит. Сохраняя при этом матрицы или пластины, «Попытка» книга, спрашивает ее покупатель — «допечатываем тираж. Ведь стоит вспомнить: ни Блок, ни Ахматова, ни Маяковский не начали со стихотворных тиражей. Сборник Ахматовой «Вечер» — самая первая ее книга — вышла тиражом 300 экземпляров, «Четки» — 500...»

В. Медведев: — Я вас прерву, чтобы показать библиографический спрашивач нашего издательства. Как начинался в 1934 году? Первые книги с маркой «СП»: А. Григорьев «Фантастические новеллы» — 5 тысяч 200 экземпляров, И. Эренбург — 10 тысяч 500. С. Кирсанов — 5 тысяч 200...

И. Бузьков: — Установлен, например, оптимальный тираж для поэтической новинки — 10 тысяч экземпляров. Но откуда возникла такая цифра, никто конкретно сказать не может. Она не продиктована даже соображениями рентабельности — такой тираж все равно убывает. При этом одна книга изначально становится дефицитом, а другая чуть ли не всем десятическим грузом ложится на полки магазинов. Пробный тираж как раз оставлял бы свободу для маневра, возможность гибко приспособливаться к запросам читателей.

Корр.: — Но что же вам пишут, например, в вопросе?

И. Бузьков: — А вы попробуйте отпечатать этот пробный тираж! Процитирую заместителя начальника Главполиграфии Госкомиздата СССР В. А. Поливака: «Советский писатель» — традиционно значительная часть своих книг изготавливается в Тульской типографии. И массу материнских книг... издательство стремится «прописнуть» именно здесь. Как это отражается на экономических показателях предприятий — понятно. Справивается, при таком постановке вопроса что одна типография в стране вспоминает нашу землю? Нет. У полиграфистов или издается количеством изогнутых листов-оттисков, если организационные, экономические условия не ориентированы на него.

В. Медведев: — Между прочим, руководители Госкомиздата были бы полезно послушать, что говорит надворный рабочий Тульской типографии. А они спрашивают: когда же будем делать хорошие книги, как раньше? Люди не хотят делать серийки, они не хотят работать плохо. Качество, как известно, — категория прежде всего экономическая. В конечном счете любое мастерство заглохнет, если организационные, экономические условия не ориентированы на него.

И. Бузьков: — Уже упомянутый мною заместитель начальника Главполиграфии В. А. Поливак публично заявил, что мы, издатели, слишком много хотим. В наименее издательстве нужно на видном месте высветить основные характеристики полиграфических комбинатов, фабрик, типографий, чтобы издатели соизмеряли свои требования с возможностями производственной базы. Я шарахнулся! Выложите на газету «Киноконструктор» от ноября прошлого года, где это извещалось. Согласно такой логике, следующий шаг за меня, издателями. Мы должны потребовать, чтобы писатели посыпали эти данные над своими письменными столами и приправляли папки с вдохновением и скоростью печатных машин. Словом, телега впряженная впереди лошади. Разве пропишется сама постановка вопроса, когда полиграфисты расширят свою возможностями, исходя из потребностей книгопечатания, а издатели сужут свои представления о культуре книги в угоду производству?

Корр.: — Но согласитесь, во все века книгоиздатели работали не в безводущем пространстве. Им приходилось приспособляться к полиграфии, ее технологии. Вот в сегодня фототипия, офсет предъявляет свои требования. И как раз существует мнение, что издательские работники не могут с ним подстроиться предвзятое правило на странице.

В. Медведев: — Но тогда я спрошу вас: почему, работая с «согласием» с требованиями полиграфии, выпускаешь серую, неизготавливаемую книгу? Не в том ли дело, что требования атических рассчитаны на выпуск книг «популярнее»? Всегда считалось и было так, что технология обслуживает интересы культуры, духовные запросы людей, но в Главполиграфии Госкомиздата СССР недавно перевернули все с ног на голову, и теперь типография диктует: давайте нам такие книги, чтобы их было удобно печатать.

И. Бузьков: — Прячусь для «Советского писателя» речь идет о приспособлении к полиграфической базе, скажем открыто, весьма невысокого уровня. Мы вовсе не так наивны, как хотят это представить наши партнёры. Думают, что мы один центральный издательство не позволяет себе выпускать художественную литературу в чистом переплетах — картонная обложка и матерчатый корешок, в то время как мы выпускаем книги с чистыми страницами. И мы можем это сделать, потому что они сняли с политики издательств. Ведь «Советский писатель» — не комбинация из производств «Графа Монте-Кристо». Это зеркало, в котором отражаются сегодняшний день литературы во всем многообразии жанров, способов художественного выражения.

Корр.: — «Книжный бутик» книжного издательства не спасет, возрастает количество писем, возникающих, связанных с качеством книг. Прячусь читатели все больше обращают внимание не только на «технические качества» — чтобы страницы не выпадали из обложки после первого чтения, — но и на оформление, на все облицо издания. Словом, то, что мы называем культурой книги. Немало претензий в этом плане и в презентации «Советского писателя».

В. Медведев: — К сожалению, вполне спра-

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ Из народных истоков

С тех пор как имя Андрея Эшпая стало извечным музыкальной общественности (в то время он был студентом Московской консерватории, недавним солдатом Великой Отечественной войны), его произведения постоянно завоевывают новые поклонников.

Говоря о его музыке, не хочется употреблять притяжательные в музыкальном обходе термины — мастерство, высконорускость техники композиции, сочные оркестровые письма. Оставил это за пределами наших тем как сама собой разумевавшаяся качество для композитора такого класса. качества, которые, кстати, всегда должны сопутствовать большому таланту, но никогда не могут стать его заменой.

Счастливое свойство музыки Эшпая — иметь доступ в нашу сердцу, отнюдь не склонному вбирать в себя все без разбора, и быть интересным для профессионалов. Путь Андрея Эшпая сразу начался как бы в несколкx направлениях. Прежде всего присоединение к народному материалу. Затем увлечение народной и ритмически броской современной музыкой. И, конечно же, джаз, эстрадная песня, кино и театр.

Характерной чертой творчества Эшпая стала его позиция — позиция художника, чувствительного и драматичного современности. Здесь, в «Андрея» (по пьесе А. Арбузова) и «Круге», в которых ставятся кардинальные вопросы жизни, кантата «Ленин с нами», симфония «Хвалы света, оперетты. Но это не свойственно и его произведениям, не имеющим столь прямой выраженной программы. Эшпай со своим огромным интересом к жизни в разных ее аспектах из нее черпает материалы для творческих своих сделок.

Музыка А. Эшпая свидетельствует о его неистребимой жизнедеятельности, светлом мироощущении. Может ли первый взгляд показать, что

он не слишком склонен к романтической грусти, а тем более к драматическому началу. Но есть у него элегантность, и размышенность, и печаль (например, в Третьей симфонии, посвященной памяти отца). Просто это сочетание солнечного и затуманенного, яркого и приглушенного находится у Эшпая, на мой взгляд, в едином соединении.

Очень важными особенностями своего искусства, определяющими его неподражаемый лицо, Андрей Эшпай обязан глубокой любви к народной музыке, ее тонкому пониманию. Он взялся в этом профessione своего отца, известного народного композитора Я. А. Эшпая. Лирический пласт почти всегда связан у него с интонациями народной песни, чистой, как асное небо. Особенной проникновенностью наполнены эти страницы музыки композитора. Можно сказать, что в последние сочинениях он особенно много. Среди них — композит для гобоя с оркестром и симфонические «Лесные горные и луговые марши» — последние из произведений сочинений Эшпая (мы еще не слышали его нового «Пятой симфонии» — эпохи народных молодеж, трудный для воплощения замысел, тот случай, когда художник должен быть предельно строг к себе, чтобы лишним жестом, несущим ставленную деталью не нарушить чистого склада народной песни, ее идеальной природы. Цель тщательно подобранных марийских мелодий, легко переходящих одна в другую, образует сквозную композицию, доказывающую в конце ее своеобразной кульминацией, в которой автор позволяет оркестру «разыграться».

Особые симметрии, особая удача композитора, на сегодняшний день подтверждают большой отзвук творческого пути А. Эшпая, совершившего им без метаний, заблуждений и нескрываемых и неумных работ, характеризуют напряженность его таланта, освещают ценность его многолетнего композиторского труда.

Концерт посвящен видному музыканту Анатолию Любимову, творческого членом которого часто звучит на нашей эстраде. Этот красавец, близкий простодушно народной духовной инструмент — неприменим и колоритный член оркестров и ансамблей, форма же сольного концерта для него — радость.

Свойственные гобоню народно-национальной музыке в античных местах и прогрессивная новизна в позитивных признаках органично сочетаются в Концерте Эшпая — произведение яркое, красочное, глубоко своеобразное. Начинаясь с эффектного соло гобоя, сменяющегося пружинящей акордовой темой, Концерт «захватывает» слушателя сразу, увлекает блестящим развитием материала, в который органично вплетается чувашская народная музыкальная культура.

Р. ЛЕДЕНЕВ.

ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА

В нашей стране существует более двухсот издательств, и у каждого свое место в процессе производства книжной продукции. Насколько работа издательств ориентирована на полиграфическое качество книги, ее культуру? Учитываются ли особенности каждого издательства в системе управления отрасли?

Об этом — беседа нашего корреспондента Т. МЕНЬШИКОВОЙ с главным редактором издательства «Советский писатель» Игорем Михайловичем БУЗЫЛЕВЫМ и главным художником этого издательства Владимиром Васильевичем МЕДВЕДЕВЫМ.

В нашей стране существует более двухсот издательств, и у каждого

своего места в процессе производства книжной продукции.

Насколько работа издательств ориентирована на полиграфическое

качество книги, ее культуру? Учитываются ли особенности каждого

издательства в системе управления отрасли?

Менее всего

занимается

издательствами

СОЗДАВАТЬ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, ДОСТОЙНЫЕ

Я сам иногда удивляюсь: как же я стал драматургом «социальной темы», автором «производственных» пьес Ранние наши с Андреем Венцлером пьесы «Гамлет из квартиры № 13», «Эмилия баллада»; инноценции «Услады инны» и многие другие работы никак не обещали ничего подобного.

Правда, была последняя наша пьеса «День-дениской», успешно поставленная Евг. Симоновым в Театре им. Вахтангова с Михаилом Ульяновым в главной роли. Образ директора завода Дружинова поставил на одну доску с Чешниковым Потаповым из пьес И. Дворецкого, А. Гельмана. Театральная критика сочла нашу «спуска слушаем», в главных достижениях спектакля, удостоенного Государственной премии РСФСР им. Станиславского, работу Михаила Ульянова.

Конечно, «День-дениской» была типично «производственная» пьеса! Ох, сколько сил, напряжения для наших нетехнических мозгов, сколько времени было истрачено, чтобы разобраться в современном котлостроении, в общих принципах планирования, в технологической цепочке производства...

И для нас было приятной неожиданностью, когда в общем сонме неликвидных театральных решений раздался голос академика А. Г. Аганбегяна, что из всех «производственных» пьес по-настоящему серьезные и полезные для общества, науки и зрителя он считает именно «День-дениской».

Но оттремпели критические баталии, премьеры, обиды, неожиданности, и через некоторое время, уже оставшись один после смерти Андрея Венцлера, я снова сел за письменный стол... Но это было уже не пьеса, а смущенно мерещившийся мне тогда будущий роман.

Опять же он никак не претендовал на сугубую социальность и был напрочь далек от производственной тематики.

Нет! Никак не выходил из меня драматург-производственник!

И все-таки... Я им стал.

Не буду описывать всего извилистого пути, который прошел, чтобы написать «Равняется четырем Франциям», «Серебряную свадьбу» (в связи с переходом на другую работу), и даже романа, который и ныне заканчивается, тоже несет неоднозначную для меня, тогдашнего, острую социальность.

Было бы тираном говорить, что писателям не хватает времени... Но это так!

Только каждого отдельно — разница в точке зрения. В заключении, которое Время предъявляет Писателю.

Сможем ли мы все сделаться честнее, смелее, добре по отношению к миру, к близким и дальним, к окружающим и якобы посторонним? Сможем ли мы руководствоваться не только самыми лучшими постановлениями и призывами... А наши

собственные совестливость, порядочность, честь, интеллигентность станут ли мерилом и залогом всей нашей душевной — писательской и человеческой — каждодневной, единственной жизни? Должны смыть, должны стать.

Александр Мишарин

ЗАМЕТКИ ДРАМАТУРГА

ЖИТЬ, КАК ВСЕ?

Но ведь и писатель предъявляет счет времени?

Если, по известному выражению, «характер определяется в сопротивлении среде», то писатель в еще большей мере складывается из диалектической, в порой и очень острой взаимозависимости от времени. Именно отсюда поиск того конфликта, который именно там переживается с окружющей тебя действительностью.

Я уважаю творчество многих наших драматургов, в том числе и совсем недавно громко и массово вышедших на всесоюзную сцену. У каждого свой угол зрения на мир. Свой концепт — и человеческий, и драматургический.

Конечно, я радуюсь их неединичному появлению, потому что по целому ряду объективных и субъективных причин (редакционных, и цеховых) молодая драматургия в своем развитии как-то искусственно придергалась.

А нет ничего печальнее, чем драматург, который пишет свою пьесу в стол, — он не романист, даже не поэт... Драматург хоть и высшая форма поэзии, но еще и изрядная мера художественной публицистики.

Радостно, что если А. Дударев, В. Арро, Л. Петрушевская, А. Галин, С. Злотников сегодня уже признанные «репертуарные» драматурги, то вполне приятно, что пьесы С. Лобозерова, А. Переяславина, А. Колзовского, В. Дозорцева, А. Кудрявцева стали основой репертуара именитого, ответственнейшего театрального сезона — сезона XXVII съезда КПСС.

Этот процесс не случаен. Он определен каждой демократичностью, глубиной и объемности художественного исследования на театре.

Подобная картина явно существовала в нашем театре. (Было бы сверхнормативно считать, что свежий ветер перемен продул все театральные кулисы!).

Говоря ясно, что «производственная» пьеса

возникла в глубине общественного неблагополучия последних пятнадцати — двадцати лет. Она взяла на себя — как это не раз было в истории нашего театра и драматургии — вроде бы не свойственные ей задачи. Публицистика, экономика, социология. Социальные проблемы, поданные впрямую, в открытой атаке. Именно «производственная» драма вместе с очерками Ю. Чернichenко, Б. Морозова, В. Селезнева начала во весь голос говорить о неблагополучии в наших делах производственных, экономических. Определенную — и немалую! — часть дела она сделала.

Хотя бы она расщепила склонившийся к этому времени «канон нашей современной пьесы», где в финале появляется или партнёр, или просто «добрый дядя». Или сам герой приходит к благородному концу, устрашающему всех.

А вот когда уже сама действительность — и общественная, и личностно-бытовая! — не могла устраивать никого, кроме людей, на неё же паразитирующих, то именно драматургия, сам театр должны были прорваться к зрителю с общественно крупными, истинно художественными, новыми, решительными идеями.

Действительно, театр всегда создавал свой особый омоложительный мир. Ни на определенном этапе он никогда раз пытался из него вырваться. Вспомним хотя бы многозначащее слово «общедоступный» в первом назывании МХАТа. Он как бы уже в определении своем стремился вырваться из замкнутой театральной сферы. Притом сферы, которая подчас почти диктует ему, Великому Театру, свою околотеатральные виски...

Подобная картина явно существовала в нашем театре. (Было бы сверхнормативно считать, что свежий ветер перемен продул все театральные кулисы!).

Говоря ясно, что «производственная» пьеса

Что же, это не было праздником жизни? Конечно, было!

Я не хочу, не могу, не позволяю себе поставить обычное слово «хорошо». Я призываю к нему вспоминение огромного количества людей и профессий, которые честно и осознанно делали свое дело... Выкладывали душу в свой труд. Любили детей, жен и стариков... Остались людьми. Даже там и тогда, где это грозило личному благополучию. Не будет этого «хорошо»!

Общество и тогда в своей многомиллионной сути все больше и явственнее чувствовало неблагополучие.

Оно тоже общалось, по-своему боролось, неоднократно социальных взрывов, в том числе и предложенные ему в то время театром. Общество воспринимало их, как пусть частные, единичные, even нормы. Но все-таки формы борьбы, неравнодушны. Отмечая несомненный для меня пафос обличения того или иного «глухаря» или Бэнса, нельзя не признать, что в этой борьбе против «человека» за «Человека» наш театр в какой-то, наверное, даже незаметной для себя момент скатился не в «высокую притчу» (нас тогда было модным определять «неблагоподобные удачи»), а просто спасаясь перед жизнью и началом рассматривать современную жизнь действительность как определенного типа абсурда. И здесь мне хотелось бы сделать упрек — в первую очередь самому себе! — драматурги. А может быть, и литература вообще.

В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что не может быть в советском искусстве места безыдейности, мировоззреческой асредности... Что в борьбе с эстетической беспомощностью и ремесленничеством надо принимать решительные меры, не считаясь с маэстро, авторитетами, прошлыми заслугами или молодой неизвестностью взглядов. На все это можно ответить: только всей, без малейшего щадящего компромисса, с единой склонностью на собственные крупицы, морей своего гражданского, человеческого и писательского понимания, что борьба будет непростой. Что общечеловеческие ценности, миролюбие и светлое будущее у нас есть только тогда, когда каждый из нас придет к тому, чтобы внести свой вклад в борьбу за достойную жизнь.

Я уже писал когда-то о том, что наш театр в этот период — и не только его в этом вине! — не смог выработать, создать подобные сценические идеи, принципы, образы. Он как бы расчленялся современным ему героям на героя в производстве, героя в семье, героя в науке, героя в инженерии, героя (или псевдогероя?) в подворотне, в шабаше нынешних страстей.

Замелькали «нувориши», позоры, воры, карьеристы, приспособленцы всех рангов и мастей. И т. д. и т. п.

Это покажет только наш труд! И вера, и душа...

...Равны взлету

Сын замечательного грузинского кинорежиссера-новатора Николая Шенгелая и «звезды советского кино» Наты Вачадзе, Эльдар с детства рос в атмосфере творчества, ярких, неординарных людей, высоких примеров подвижнического служения искусству.

Рослый, голубоглазый человек, с испоконними тубами, чуть ироничный и улыбчивый. Обыкновенная сначала с фигуру спортсмена...

Вот что рассказывает его друг — режиссер Марк Кокоашвили:

— Когда Эльдар Шенгелая задал вопрос, что он любит больше всего, последовал неожиданный ответ: «Труд». Мы засмеялись, потому что никто его никогда не видел инженером из дел, с головой погруженным в бумаги и трудинные забои. Неизменно облачный и открытым, увлекающимся, он с энтузиазмом, всегда легко учился, занимался спортом, много времени отдавал и отдает людям, которых любят, друзьям, детям, искусству, кино...

Но если вспомнить, что за 25 лет профессиональной работы им снято всего шесть фильмов: «Белый караван», «Минела», «Необыкновенная выставка», «Чудаки», «Мачеха Саманашвили», «Голубые горы», или Неправдоподобная история», и все эти работы великолепны, удивительны, самобытны, станет ясным, какой огромный труд, сколько энергии, души, страсти вложено в эти фильмы. Когда мы учились во ВГИКе, то грузинские студенты создали Эльдара. Знаменательно, что сейчас он руководитель Союза кинематографистов Грузии.

Экспрессивный и самостоятельный, Эльдар с детства не любил ни в людях, ни в жизни статики повторяющей, неискренности. И хотя над ним, безусловно, довели взгляды, суждения его знаменитых родителей, индивидуальности которых, кавалер Георгия Плиниана Эристави, снявший фильм «Необыкновенная выставка», — снят в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

«Необыкновенная выставка» — удивительно тонкий и ироничный, мудрый рассказ о судьбе промышленного скундита, вынужденного обстоятельствами заниматься производством скундитных надгробий. Этот фильм, вызвавший и сильные и неординарные характеристики, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Необыкновенная выставка», — снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удостоен премии комсомола республики. Уже в ранних работах определилось стремление Шенгелая и сильных и неординарных характеристик, острый конфликт, выразительности киномышления. Однако если в этих работах компор понес присущую рабою, подавлялся романтикой, драмой, то в следующем фильме «Белый караван», снятом в 1968 году, полно и безудержно проникнувшись наименее яркими и своеобразными грани пародии режиссера.

После первого фильма «Белый караван», снятый вместе с Т. Меладзе, Эльдар Шенгелая был удост

Найти себя

Нет ровной дороги в искусстве. К нему каждый приходит своей тропой — трудной и необычной. Эти две истории тому подтверждение.

Переступив порог этой квартиры, перешагнув через стоптины и целые эпохи. Отсюда — со стен и потолка, с краски на них стоят не совсем обычные фигуры, портреты-маски, деревянные статуи. Одни из этих композиций — двух с половиной метровой высотой исполнены в форме вибрирующих в меня пронзительный взгляд. Как-то удивительно гармонично звучит в этой квартире Тиг Лукиан Кар и Михаил Найдендин, Элинур и Констант, Баткович и Уильям Сароян, рабочий-красноармеец и драматургический мыслитель.

Вот циклы «Портреты», «Раздумья», множество отдельных работ. Возможно, намеченный глаз специалиста и найдет в них погрешности и несоответствия канонам, но они прогонят нас, будорожат чувства и мысли, учат постичь жизнь.

Бригадир комсомольско-молодежной бригады объединения «Архизельтрасстрой» Владимир Татосин — выпускник Ереванской консерватории. Парафон! Нет, скорее рядовое исключение, которое вряд ли станет прецедентом. Так уж вышло, что человек с квалификацией концертного исполнителя трудится на производстве, да еще не каком. Литератором!

За семь лет работы на заводе он достиг наивысшего. Стал коммунистом, бригадиром одной из лучших в объединении комсомольско-молодежных бригад, удивленником пятнадцати. Здесь, в пятнадцати, у ресавленной почты ми и познакомился, и в доле пытается понять, почему музыкант стал рабочим. Кто-то, начиная показывалось, что у него нет способностей, оттого и изменил свою музыку. Но, как позже выяснилось, Владимир Татосин — музыкант незаурядный. Об этом говорят и высокие оценки протоколов заседаний ректората Ереванской государственной консерватории имени Комитаса: «Принимая во внимание край исполнительского уровня, отличную профессиональную подготовленность, творческие данные рекомендовать выпускнику Владимиру Татосину в аспирантуре-стажировку».

Что же было дальше? В один прекрасный день я вижу в руки резец.

Владимир ходит по комнате и мнет в руках глину. Кто в пекарне, ему без дела не сидится.

— Какой разец! — удивляюсь я.

— Обыкновенный, для твердых материалов. В магазине не навалом. Почему не кисти и ручки — не знаю. И, откровенно говоря, не разец это был, а обыкновенная ставница. А аналогичные пришли некоторое время отдохнуть от маек.

— Может, ты просто перезанимался?

— Многим тоже так навязалось. Ведь до этого лет десять вибраленно по шести-восьми, в то и больше часов играл на виолончели. Онкони три музыкальных учебных заведения, из них два — не отлично. Впрочем, довольно быстро у меня установилась некая гармония между музыкой и жизнью. Не звезд в таких пришел все из-за того же изумленного желания работать руками. Знаешь, что мне говорили кругом, когда пошел не звезд «Тебя учили многие годы, практики немалые средства, а ты оставил специальность». Повторю, что с музыкой я расстался немноголет и, кстати, не первый год преподавал по вечерам в музыкальной школе поселян Борислав, что под Ереваном. А я знал и чувствую свою неизбывимость, нужен и он мне. Теперь скажи, кто из этого прогрывает?

Созданный Владимиром Татосином хранится в его двухкомнатной квартире, у друзей, не звезды. Его рабочее место не спутаешь — в кирпичном проходном цехе, над столом — полки с фигурами. Именно не звезды созданы цикл из пятидесяти работ «Характеры». Интересные это портреты. Может, не все имеют точное сходство с оригиналами, но главное — схвачено — нерв образа. Минуты, уравненные увынужденного простора или обеденного перерыва, вспоминаются в камне.

Сначала старожилы посыпали яйцами «Чудом какой-то. Ну ничего, это дурь у него быстро пройдет. Наработается за день, на своих фигурах и смотреть не захотят». Теперь удивляются: «Откуда только силы берутся у человека!»

Есть у Владимира Татосина мечта открыть на земле мастерскую ванники. А что желающие поступят туда много, не сомневается. Вот и обивает он пороги заводского начальства. Радует — вроде сдвигнулся тяжелый камень с места.

Ну, а как же с виолончелью? Нет, она не пытается в углу. Кроме занятой в музыкальной школе, Володя любит играть дома в семейной обстановке, для друзей. Красный, христианский, он берет виолончель, и в его руках, привыкших укрывать огонь и метал, инструмент становится по-нашему живым и яскучим.

Дорога искусства привела его в рабочие. Он не потому попрощал нашу себу. А как же музыка, ваниль — предметно вопрос. Много граней у человеческой души. И если она изнутри освещение ярким светом, то непременно озарятся все грани,

отравя незаурядность, богатство душевых интересов.

Я в этом убедился, познакомившись с человеком не менее интересной судьбы — композитором Артуром Делляланом. Один герой как-то дополнял другого.

Мы с композитором Делляланом бродили по ереванским улицам. Мой спутник говорил о музыке, я вспоминал Владимира Татосина. Презда, тот горян и милульчин, в Арутюна неизменно больше в себе. Он только что вернулся из Новосибирска, где проходил его авторский концерт. Его, человека, выросшего в Арmenии, — месте, где никогда нечувствуется недостаток в солнце, восхищает сибирские просторы, покоряют люди.

Считается, музыка надо заниматься с раннего детства, и лишь в этом случае можно достичь каких-то ощущенных результатов. У Арутюна сложилось иначе. Отец его, мастер Еразд, детей держал в строгости. Воспитание носило чисто придадный характер: дети помогали отцу в работе, мастеря что-то по дому. Отец звал Арутюна идти на завод: работы там неподалеку, края, да и хорошо платят. Сын так и поступил, но учебу не бросил. Ходил школу рабочей молодежи, потом — армия. Участие в полковой художественной самоделке стало первой школой приобщения к музыке. Пел солдатские песни, и пел душу.

Однажды Арутюн Деллялан побывал в гостях у Мартироса Сарьяна. Болиний художник долго рассказывал его о житье-бытье. Удивлялся, откуда после рабочего дня столько энергии остается. Встреча с Сарьяном несколько затянулась, и чем дальше, тем больше осознавал Арутюн простоту истину: искусство требует человека всего без остатка. Встреча его потрясла, надолго он запомнил мудрые слова инвестигатора: художник великий тогда, когда его музыка служит обществу. При Ереванской консерватории открыты народные студии для одаренных, но не имеющих специального музыкального образования. Ее студенты — Арутюн Деллялан. Его земляки предводители, народные артисты СССР Э. Мирзоян и Г. Егизарян.

Легче представить, что человек работает днем на производстве, в之夜 разумеется разлучает гаммы, чем почувствовать это на себе. Музыка требует особого отношения, особой сосредоточенности, многоголосых квадратных гармоний. Со стороны — унылых и однообразных. Кроме того, музыкант запросто поднимает большие тяжести, расшвыряет мышцы на пальцах, отчего они теряют эластичность. Казалось, судьба дала все, чтобы заставить Арутюна отступить. Но завод наработал фрезерщиком и сварщиком. Профессии эти не вскакивают причины требуют неизменной физической силы. Приходилось иметь дело с тяжелыми деталями и работать при постоянной вибрации. За сиюн с таким образом перетаскивалась несколько тонн. Но Арутюн с завидным упорством: каждый день, после работы отмывал руки в теплой воде, чтобы хоть частично вернуть пальцам эластичность, и шел на занятия.

Дин складывались в масицы, в масицы — в головы. По круглым краям крепла уверенность, что он будет писать музыку. Но следующий, самый решительный шаг ему еще предстояло сделать — освободиться от проработки сорок лет, завод, выскочку зарплату и поступить на очное отделение Ереванской консерватории. Арутюн Деллялан с завидным упорством: каждый день, после работы отмывал руки в теплой воде, чтобы хоть частично вернуть пальцам эластичность, и шел на занятия.

Сверкается. За беседой время течет быстро. Мы слушаем его сочинения. Особо впечатляет яркость и экспрессивность фортепианной сонаты «Посвящение Комитасу», воссияющуюся с поэзией «Невидимой колонией» армянского поэта П. Сарьяна. Это далеко не единственное произведение композитора, которое было хорошо принято слушателями и специалистами. Надо сказать, что прошлый год завоевалось весьма плодотворно в театральной биографии А. Деллялан. Его скрипичная соната, сонаты для виолончели и фортепиано, медитации для кларнета и фортепиано, вокальный цикл «Когда наступают сумерки» не слова А. Исаакяна, Г. Эминя, В. Теряяна звучали в разных городах страны, в «Посвящение Комитаса» исполнилось в Италии и США, в том числе в знаменитом концертном зале Нью-Йорка «Карнеги-холла».

Созданный Владимиром Татосином хранится в его двухкомнатной квартире, у друзей, не звезды. Его рабочее место не спутаешь — в кирпичном проходном цехе, над столом — полки с фигурами. Именно не звезды созданы цикл из пятидесяти работ «Характеры». Интересные это портреты. Может, не все имеют точное сходство с оригиналами, но главное — схвачено — нерв образа. Минуты, уравненные увынужденного простора или обеденного перерыва, вспоминаются в камне.

Сначала старожилы посыпали яйцами «Чудом какой-то. Ну ничего, это дурь у него быстро пройдет. Наработается за день, на своих фигурах и смотреть не захотят». Теперь удивляются: «Откуда только силы берутся у человека!»

Есть у Владимира Татосина мечта открыть на земле мастерскую ванники. А что желающие поступят туда много, не сомневается. Вот и обивает он пороги заводского начальства. Радует — вроде сдвигнулся тяжелый камень с места.

Ну, а как же с виолончелью? Нет, она не пытается в углу. Кроме занятой в музыкальной школе, Володя любит играть дома в семейной обстановке, для друзей. Красный, христианский, он берет виолончель, и в его руках, привыкших укрывать огонь и метал, инструмент становится по-нашему живым и яскучим.

Дорога искусства привела его в рабочие. Он не потому попрощал нашу себу. А как же музыка, ваниль — предметно вопрос. Много граней у человеческой души. И если она изнутри освещение ярким светом, то непременно озарятся все грани,

стремясь к ней. Но ничего, это дурь у него быстро пройдет. Наработается за день, на своих фигурах и смотреть не захотят. Теперь удивляются: «Откуда только силы берутся у человека!»

Сначала старожилы посыпали яйцами «Чудом какой-то. Ну ничего, это дурь у него быстро пройдет. Наработается за день, на своих фигурах и смотреть не захотят». Теперь удивляются: «Откуда только силы берутся у человека!»

— Открой клуб! Мы танцевать хотим. — Да что с ней разговаривать! Дать по шее — и все.

Еще в первую свою рабочую субботу, когда в Ново-Талицком сельском доме культуры шла первая танцевальная сессия, Светлана Рабова была поражена обстановкой. В зале, где раньше стояли скамьи, теперь сидели пьяные ребята. Воздухе висела брань, вспыхивали то там, то тут потасовки.

Светлана Рабова вслух сделала замечание. Толпа ее зааплодировала.

— Ты кто такой?

— Я новый директор Дома культуры. Просите прекратить курить, в всех пыльных — поминуть зал,

— Да на слушайте вас! Через неделю сбежит отсюда Миша Поможе...

Светлана Рабова училась в Московском институте культуры. Студентами составляли конспекты, переписывали сценарии. Не предвидимо на практике в Белгородском кукольном театре ей предложили оставаться преподавателем. Отказываться не могла.

Светлана Рабова вырвалась из тесного кольца подвыпивших парней. Бежала, не чуя под собой ног, в полной темноте. А в ушах звучали угрозы, оскорблений.

— Открой клуб! Мы танцевать хотим.

— Да что с ней разговаривать! Дать по шее — и все.

Еще в первую свою рабочую субботу, когда в Ново-Талицком сельском доме культуры шла первая танцевальная сессия, Светлана Рабова была поражена обстановкой. В зале, где раньше стояли скамьи, теперь сидели пьяные ребята. Воздухе висела брань, вспыхивали то там, то тут потасовки.

Светлана Рабова вслух сделала замечание. Толпа ее зааплодировала.

— Ты кто такой?

— Я новый директор Дома культуры. Просите прекратить курить, в всех пыльных — поминуть зал,

— Да на слушайте вас! Через неделю сбежит отсюда Миша Поможе...

Светлана Рабова вырвалась из тесного кольца подвыпивших парней. Бежала, не чуя под собой ног, в полной темноте. А в ушах звучали угрозы, оскорблений.

— Открой клуб! Мы танцевать хотим.

— Да что с ней разговаривать! Дать по шее — и все.

Еще в первую свою рабочую субботу, когда в Ново-Талицком сельском доме культуры шла первая танцевальная сессия, Светлана Рабова была поражена обстановкой. В зале, где раньше стояли скамьи, теперь сидели пьяные ребята. Воздухе висела брань, вспыхивали то там, то тут потасовки.

Светлана Рабова вслух сделала замечание. Толпа ее зааплодировала.

— Ты кто такой?

— Я новый директор Дома культуры. Просите прекратить курить, в всех пыльных — поминуть зал,

— Да на слушайте вас! Через неделю сбежит отсюда Миша Поможе...

Светлана Рабова вырвалась из тесного кольца подвыпивших парней. Бежала, не чуя под собой ног, в полной темноте. А в ушах звучали угрозы, оскорблений.

— Открой клуб! Мы танцевать хотим.

— Да что с ней разговаривать! Дать по шее — и все.

Еще в первую свою рабочую субботу, когда в Ново-Талицком сельском доме культуры шла первая танцевальная сессия, Светлана Рабова была поражена обстановкой. В зале, где раньше стояли скамьи, теперь сидели пьяные ребята. Воздухе висела брань, вспыхивали то там, то тут потасовки.

Светлана Рабова вслух сделала замечание. Толпа ее зааплодировала.

— Ты кто такой?

— Я новый директор Дома культуры. Просите прекратить курить, в всех пыльных — поминуть зал,

— Да на слушайте вас! Через неделю сбежит отсюда Миша Поможе...

Светлана Рабова вырвалась из тесного кольца подвыпивших парней. Бежала, не чуя под собой ног, в полной темноте. А в ушах звучали угрозы, оскорблений.

— Открой клуб! Мы танцевать хотим.

— Да что с ней разговаривать! Дать по шее — и все.

Еще в первую свою рабочую субботу, когда в Ново-Талицком сельском доме культуры шла первая танцевальная сессия, Светлана Рабова была поражена обстановкой. В зале, где раньше стояли скамьи, теперь сидели пьяные ребята. Воздухе висела брань, вспыхивали то там, то тут потасовки.

Светлана Рабова вслух сделала замечание. Толпа ее зааплодировала.

— Ты кто такой?

— Я новый директор Дома культуры. Просите прекратить курить, в всех пыльных — поминуть зал,

— Да на слушайте вас! Через неделю сбежит отсюда Миша Поможе...

Светлана Рабова вырвалась из тесного кольца подвыпивших парней. Бежала, не ч

